

УДК 82.09 (470.621)

ББК 81.2 Адыг

Г-93

Губжюкова Нуриет Карпушевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики факультета новых социальных технологий Майкопского государственного технологического университета, тел.: 89284696452.

МОДАЛЬНОСТЬ – МЫСЛИТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

(рецензирована)

В статье дается теоретическое обобщение по модальности и категории наклонения в адыгских языках.

Ключевые слова: модальность, грамматическая категория, маркированность, понятийные категории.

Gubjokova Nuriet Karpushevna, Cand of Philology, senior lecturer of chair of philosophy, sociology and pedagogic , new social technologies faculty of Maykop State Technological University, tel.: 89284696452.

MODALITY – A COGITATIVE CATEGORY

The author of the article cites theoretical summarizing for modality and categories of mood in Adygh languages.

Keywords: modality, grammatical category, marking, notional categories.

Явление модальности можно считать в основном логической, т.е. мыслительной категорией. Именно поэтому оно является составной частью любого языка; кроме того, оно проявляет модальность в предложении (в сказуемом), в синтаксисе, а синтаксис, как известно, относится к грамматике. Стало быть, наклонение (материально оформленное или интонационно выделяемое) проявляет себя в синтаксисе, т.е. в грамматике, и в силу этого является грамматической категорией. Мысль, значение, содержание, можно считать организующим центром синтаксиса (предложения) и, следовательно, грамматики вообще. В таком случае, это взаимодействие должно изучаться той наукой, в рамках которой подобное разграничение установлено изначально, т.е. грамматикой. Именно «грамматика изучает формальные принадлежности слов и их взаимоотношения между собой и материальными принадлежностями» [1].

По большому счету, в языке не должно быть несинтаксических категорий, поскольку они в основном проявляются в синтаксисе.

Однако большинство исследователей придерживается мнения, согласно которому категория наклонения относится к системе категорий глагола. Это положение, быть может, и верно для отдельных языков, но не является универсальным. Так, В.В. Виноградов, исследуя категорию наклонения в русском языке, обосновывал следующий вывод: «категория наклонения – это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, то есть, обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [2]. Но это положение находило немало противников и среди специалистов в сфере русского языка. Дело в том, что до проявления модальности в речи, глагол вряд ли может сам по себе обладать модальностью или категорией наклонения. Функцию грамматического наклонения и интонационной модальности может иметь лишь сказуемое, стало быть, синтаксис, а не морфология. Глагол же как часть речи, и его категории рассматриваются в морфологии. Следовательно, категория наклонения как часть общей грамматики должна рассматриваться не в системе глагола (как часть морфологии), а в системе сказуемого (как часть синтаксиса). Данное положение вполне осознавалось В.В. Виноградовым, отмечавшим, что при господстве морфологической точки зрения не учитывались синтаксические особенности в употреблении наклонений.

Без учета содержания невозможно говорить о предложении, ибо в конкретной человеческой речи реализуется мысль. Хотя последняя выражается в целом предложении, ее основным приложением является предикат и выразителем – интонация. Однако интонация сама по себе, то

есть вне словесного выражения, вне отношения речи к действительности, расчлененной, законченной, логически построенной мысли не выражает... без слов она может быть выразительной, но не является содержательной, то есть не служит материальной оболочкой мысли», и поэтому интонацию не считают «формой грамматического построения предложения» [3]. Справедливость данного суждения несомненна, однако материальная оболочка (то есть конкретные слова без интонации – ударения и мелодики) вряд ли сможет решить коммуникативные задачи языка. Именно поэтому модальность следует признать категорией синтаксиса, характерной для предиката и интонации и служащей выразителем коммуникативной функции предложения. Это как раз и делает категорию наклонения основным признаком общей грамматики (синтаксиса и морфологии) и человеческого языка (передатчиком мысли особыми оттенками произношения слов, выражений). Кроме того, категорию наклонения нельзя включать в систему глагольных категорий и потому, что часто встречаются предложения, в составе которых вообще отсутствует глагол. Так, односоставные безглагольные предложения типа *ошлу* «ясная погода», *гъурк!* «мороз», *тыгъэпсышху* «солнечно», *самбыр!* «перестань, тихо!» и другие, видимо, являются единицами речевого общения, организованными на основе категории модальности. Именно модальность придает «предложению значение основного средства общения, превращая строительный материал в живую, действительную речь» [4].

Когда категория наклонения рассматривается как грамматическое и общезыковое явление, она не изолируется от остальных языковых и мыслительных средств и возможностей для выражения языком коммуникативных функций – наоборот, в связи и во взаимодействии со всеми языковыми явлениями она приобретает эту всеобщность. Однако, используя понятие «всеобщность», мы не имеем в виду формальные или грамматические стороны всех языков. В разных языках формы выражения категории наклонения могут быть различными и их количество не совпадать, но всеобщим может быть выражение отношения говорящего к высказываемой мысли. При этом в любом языке, несомненно, используются, применительно к конкретной речевой ситуации, неодинаковые оттенки, разный интонационный рисунок. Логический подход к использованию словесного выражения и создает всеобщность явления модальности в любом языке. Благодаря логике, значение предложения одного языка можно перевести на другой язык. Грамматику одного языка перевести на другой язык нельзя, ибо грамматические части речи и их грамматические категории одного языка не адекватны частям речи и их грамматическим категориям другого языка. К примеру, в русском языке имена не спрягаются, а в адыгейском имя спрягается, как и глагол. Это обстоятельство вынуждает нас опираться на семантико-морфологические и семантико-синтаксические принципы при научном анализе форм наклонения в адыгейском языке. Ведь «функционирование формы в языке обусловлено прежде всего ее грамматическим значением, выделение и классификация форм производится на основе грамматического значения. Сам принцип противопоставления в языке основан на значении. Устранение значения означало бы игнорирование коммуникативной функции языка, т.е. основы и смысла его существования» [5]. Об этом же говорит и А.А. Шаов, который в принципе считает модальность «категорией логической». Он пишет, что «семантическая маркированность в большей или меньшей степени присуща также всем формам наклонения. Ведь совершенно ясно, что названия модальным формам даются на основе именно семантической направленности той или иной формы. Формы наклонения могут быть выделены только в том случае, если лингвисту известны их значения. Вообще отрывать форму от значения бессмысленно, ибо в таком случае придется иметь дело с бессмысленными звуками» [6]. Ведь известно, что в так называемых изолирующих языках отсутствуют грамматические показатели для категории наклонения. В таких языках отношение говорящего к высказыванию, несомненно, выражается интонацией. Это свидетельствует о том, что категория наклонения выражается не столько формальной, сколько функционально-семантической маркированностью. В данном случае термин «маркированность» используется в смысле семантики, логики и интонационности. Следовательно, слово в предложении может быть «маркированным» по придаваемому ему значению говорящим лицом. Именно по этой причине многие языковеды приравнивают понятия «грамматическая (морфологическая) категория наклонения» и «логическая (синтаксическо-смысловая) категория модальности». Так, А.И. Смирницкий считает, что «под наклонением следует понимать грамматическую категорию, выражающую модальность или отношение содержания высказываемого к действительности. Иначе говоря, наклонение – это модальность, выраженная

определенными формами слова» [7]. Эти идеи в различной степени отражены в трудах других лингвистов. Так, У.С. Зекох отмечает, что «предложение, являясь формой существования мысли, вместе с тем остается категорией грамматической. Мысль, хотя она и воплощается в предложении в качестве основы его семантического содержания, тем не менее остается категорией логической» [8]. Подтекстом данного высказывания является идея о неразрывной связи грамматической категории наклонения с логической категорией модальности в живой человеческой речи. Поистине, «речевой и мыслительный процессы органически связаны друг с другом, но между ними нет абсолютного параллелизма» [9]. Видимо, в силу этого У.С. Зекох разграничивает понятия «языковое образование» и «речевое образование». Он пишет, что «рассмотренное в формальном и семантическом планах предложение – языковое образование, рассмотренное в коммуникативном аспекте предложение – собственно речевое образование» [10].

Как известно, фразовое ударение, интонацию, порядок слов, синтаксическую связь слов в предложении и др. Л.В. Щерба относил к внешним выразителям частей речи [11]. Следовательно, и части речи, в принципе, выделяются в языке как грамматические разряды по их грамматическим значениям. Стало быть, и грамматические категории, и логические категории сами по себе не имеют грамматического значения, они распознаются в живой речи, в определенных формах, в интонациях, ударениях, в синтаксических связях, порядке слов в предложении, то есть в морфологии, в синтаксисе, в семантике. Этим «внешним выразителям» полностью отвечает категория наклонения. «Внешние выразители» сходятся в одном – грамматическом значении. Это как раз и дает нам право отнести категорию наклонения к грамматическим явлениям, придающим высказыванию коммуникативное значение.

Категория наклонения в адыгских языках, хотя и является семантической (логической) категорией, обычно выражается морфологическими (формальными) средствами, однако она может выражаться и ударением, паузой, особыми интонационными возможностями языка, стилем контекста и другими способами. Это свидетельствует, что для выражения значения формальные (морфологические) единицы не совсем обязательны. В этом случае категория наклонения приобретает грамматическое значение в контексте (предложении, синтаксисе), что, в свою очередь, носит общезыколевой характер.

В своих критических репликах по данной проблеме О. Есперсен отмечал, что «термин “наклонение”, по его словам (имеет в виду проф. Зонненшейна – Н.Г.), не должен подразумевать различия в окончаниях. Такое определение внесло бы беспорядок в систему наклонений любого языка. ... по мнению проф. Зонненшейна, наклонения – это категории значения, а не категории форм» [12]. «Самый большой порок в его (имеет в виду Норейна – Н.Г.) построениях состоит в том, что он создает категории, основываясь лишь на семантике, я бы сказал, на понятиях, и совершенно не обращает внимания на способы выражения значений, существующие в языке, то есть обращает внимания на формальные элементы» [13]. И, наконец, он писал, что «если отрешиться от твердой почвы глагольных форм, реально существующих в конкретном языке, “наклонений” будет много» [14].

Термин «понятийные категории» отвечает требованиям определенных понятий категории наклонения, если иметь в виду, что категория наклонения совмещает в себе грамматическую форму и функциональное значение. В данном случае ограничиться чисто формальной стороной нельзя, не учитывая их понятийные стороны (категории). Видимо, имея в виду это, О. Есперсен писал, что «... в синтаксисе любого языка следует признать только такие категории, которые нашли в нем формальное выражение, но при этом надо помнить, что термин “форма” употребляется здесь в очень широком смысле, включая формальные слова и место слова в предложении» [15]. К этому мы добавили бы ударение, интонацию и другие оттенки. Относительно установления или определения системы категорий языка, О. Есперсен констатировал: «Вопрос о том, сколько категорий и какие именно категории различает данный язык, должен решаться для языка в целом или по крайней мере для целых разрядов слов; для этого необходимо установить те функции, которые имеют формальное выражение, даже если они выражены не во всех случаях...» [16]. Для адыгейского языка именно категория наклонения отвечает этим требованиям, так как она определяется в целом (почти для всех частей речи в позиции сказуемого) и по конкретным формальным показателям, а также без материального выражения в слове (повелительное наклонение).

Если предложение является выразителем мысли, следовательно, оно содержит суждение о наличии или отсутствии чего-либо, или же определяет желательность или нежелательность происходящего действия или состояния и т.д. Словом, «мысль нельзя свести к простому представлению, исключаяющему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта» [17]. Именно возможность активного участия мыслящего субъекта к действию или выражению своего отношения к высказанной мысли и есть модальность – «душа предложения». Следовательно, модальность принадлежит члену предложения сказуемому, выраженному любой частью речи. Таким образом, модальность – синтаксическое явление, одинаково характерное грамматике языка, а по выражению мысли она является и общеязыковой.

Литература:

1. Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959. С. 84.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947. С. 581.
3. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 402.
4. Там же. С. 405.
5. Иванова И.П. Вид и время в современном английском языке. Л., 1961. С. 4.
6. Шаов А.А. К вопросу о модальности и формах вопросительного наклонения в адыгейском языке // Адыгейская филология. Ростов н/Д. 1970. Вып. IV. С. 31.
7. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 342.
8. Зекох С.У. К проблеме гипотаксиса и частей речи в адыгских языках // Ученые записки АНИИ. Майкоп, 1963. II.2. С. 157.
9. Там же.
10. Зекох С.У. Очерки по синтаксису адыгейского языка. Майкоп, 1987. С. 84.
11. Щерба Л.В. О частях речи в адыгском языке. Л., 1928. С. 6.
12. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 366.
13. Там же. С. 92.
14. Там же. С. 372.
15. Там же. С. 52.
16. Там же. С. 54.
17. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.